

КОВЧЕГ

ПОЛИНА АКУЛОВА

18+

Полина Акулова

Ковчег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51850482

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга состоит из коротких историй, которые на первый взгляд кажутся не связанными друг с другом, но в комплексе с иллюстрациями формируют особое пространство, в котором лучше побывать, чем о нём говорить. Ковчег – это ларец, предназначенный для хранения особо ценных и редких предметов. Так ли это, вы узнаете только в конце книги.

Полина Акулова

Ковчег

«Пишущая эти строки рука не должна руководствоваться сомнениями в написанном, так как нет на земле правых и неправых. Есть те, кто выбрал живую жизнь, и те, кто спит».

Меркаба

Карнапидасана Алана

Алану сводит мозг от количества табака. Каждое утро Алан мечтает убить соседа. Днесь он схватил его за ногу, бросил надкушенным яблоком, шкуркой банана. Чаем горячим брызнуть, конечно, не поднялась рука. С вызовом посреди дня тормозил. После – рваным движением поправлял волосы, чтоб войти-таки в поворот истории. Ровно укладывал торс, солнце семь раз провожал – красив, как звенящие небесные траектории. Скрипел стеклорезом, скользил по маслу. Взглядом набожным провожал поезда. Взглядом набожным провожал поезда. Взглядом набожным провожал поезда.

Кончился день Алана... между мечт мягко выскользнул в пышный настой сомнений. Алан, помнится, часто спрашивал Мастера, для чего лицо помещается между коленей, но

инструкции чёткой не получал.

О Юле и самопожертвовании

У Юли эталонная осанка и фигура, идеальные зубы, безупречный вкус. В комнате уют и проветрено, на кухне не живут две грязные тарелки одновременно. Фикус глянец, матрац полосат. Естественным образом Юля знает, что каждый сам виноват в том, что имеет мнение. Потому что оно, конечно, неправильное. Судите сами: если бы люди ведали что творят, то осанка, жильё и фигура тоже сделались бы идеальными, как у Юли. Юля охотно учит всему этому, громко смеясь и невольно превознося себя. Однажды Юля с ужасом признаёт, что не всем дано быть безупречными. Да. Но кому-то вечно приходится. И Юля, ни слова больше не говоря, кладёт свою жизнь на невнятный алтарь в ареале существования любимых ею существ. Горестно гомоня, мокнут адепты нового культа под ранним снегом на дальнем кладбище. Взгляды прикованы к паре свечей горящих и фото на свежей хвое. Теперь их поступки не так убоги на фоне Юли, но все ещё недостаточно вески, чтобы о них помнили.

О Льве и естественном

Если Лев устает, он мечтает о львице. Не нужно зооло-

гических дискурсов. Просто представьте льва, который весь день суетился по царским делам и думает, где бы гриву склонить, да так, чтоб с топленным маслом и ветчиной. У пегой (как он ее окрестил) – есть плюсы. Она певица. Талантливо поет, уверенно пребывает собой. Занимается тайной буддийской практикой, мантры читает. Сортирует мусор, гуляет по мостовой. Любуется шапками сопок, умеет мысли облечь в слова. (Помнит, что львица без льва – на пути преграда, и лев ей необходим как билет на высший уровень.) Гнедая (как он ее окрестил) – молода, и горда, и гневлива. Но формой – тонкая амфора золотого воска. По крайней мере, так он подумал, когда на нее польстился. И с ней очень просто – стоит брови нахмурить, она сама выводы сконденсирует. Вздохнет тихонько, сядет тесно с левого боку, и – всё не зря. Улыбается мудрый лев. А та, что с пятном – потайная, слабая. Мягкая, будто шелка тряпица. Нежная кисея. Та, что видит во Льве Бога, печень свою на ужин подаст ему, если надо, если вселенная выбора лучшего не дала. Та, что с пятном – глупышка тёплая, все печется о том, чтобы милому было ладно лежать.

Смять бы этих троих в руке, как букет цветов с разноцветными головками, и себе самому отдать.

То есть, переведу: Лев, когда устает, мечтает об утреннем холоде, от которого возле бедра любимой пищат котят.

Трое

Эрнестине бы губы яркой помадой намазать, да притязания на любовные экзерсисы удовлетворить, но ей приходится перед зеркалом волосы на резинку пучком подвязывать, и протискиваться бедром, затянутым в джинсы, между кухонной стойкой и книжной стенкой в офисе. Там немного протёрт линолеум на полу. У Эрнестины дома есть тайный предмет – шершавый холщовый мешок с надписью "Все будет хорошо", и прорезью – туда она откладывает деньги на билет. Эрнестина собирается в далекий полёт, и она его, понятно, осилит.

Джулия – вся в предвкушении реализации. Она достигла высокого уровня в медитации, стала образцом для прочих ищущих. Она хотела гордиться собой, быть гордостью нации, и чтобы, понятное дело, мама ею гордилась. Вот почему мы видим Джулию – где наша девочка? – в одиночестве нащупывающей дорогу вверх по склону. Она, словно плакучая ива, к почве склоняется, поднимает в кармашек камешек, веточку. Улыбается, отражает глазами небо, солнцу щурится и медленно идет дальше.

Эрнест же, напротив, вольного ветра вольнее, и зубами во сне не скрипит. Спит, как землю продавши – лишней морщиной чело его не избородится. И заботой меньше, заботой

больше – Эрнст не вовлекается в мир, который его окружает. Ему кажется, что его уважают, но на самом деле он сам уважает всех. Поэтому Эрнсту повсюду обеспечен успех, заботы взлетают обратно к небу, как снежные хлопья от теплой земли. Эрнст утром медленно пьет кофе, курит трубку, и дым получается сладкий, густой как патока. Вдруг осталось недолго? Зачем кого-то учить... Он слюнит кончик пальца, со стола подбирает крупинку сахара, и кивает молча, многозначительно.

Про Армена и штатное расписание

Двойственность: "Я здесь один! – кричит Армен – Я делаю что хочу, ни от кого не завишу. Я сам себе господин!" И когда наконец удастся добиться, чтобы все сгнули за порогом, он шатается от входных петель до батареи в гостиной, поминутно сверяя сердце и циферблат. Удачно, если хватило терпения на выходные. Тогда репутация спасена.

Армен обожает работать. Работа дает ему быть с людьми, при этом не строя глубокие отношения. Чтобы усечь свободу, можно новый регламент изобрести. Прикрыться им, оттолкнуть и привлечь сотрудников.

Армен в субботу один. Хрустит регламентом на краю дивана, напротив пустого стула, в квартире-вилле. Так блестят предметы в сверкающем магазине, который закрыт по выходным.

Про Марата и границы личности

Марат стал ходить, как на битву – за хлебом и солью. Хочет быть взрослым, мужественным, но у любимой терпения не хватает. И ему частенько перепадает от нее, от Хлои – недовольной, небезопасной, кипящей страстью, в каждое дело кидающейся, будто в последний раз. Как человек она передвинуть горы в силах. Знает, куда стопы направить, как достичь наивысших целей. Строчки личной инструкции безопасности выбиты у нее на груди (сдаётся, стальным гвоздем) – ровно посередине. Первая строчка: Хлоя, не раскисай. (Пояснение: если держит – люби его, не играй). Вторая (зачеркнута): К чёрту мужа. Третья (курсивом): А я ждала. Четвертая – зрачки сужены, учащено дыхание, падает голова в набранный наполовину номер на экране. Ее увозят на скорой, за полчаса до того, как вернется Марат с цветами и пакетом из магазина.

Такая любовь, в принципе, тоже в силе, если не разбираться, кто виноват.

Зульфия и принципы построения отношений

Зульфия открывает глаза и не рада, что в доме упрямый муж. Если она – не центр его мира, если он не любит ее

непрерывно, не демонстрирует, как он доволен, Зульфия сомневается, любима ли. Прятать чувства не стоит, ибо они накипают по краешку на кастрюлю, и безнадежно портят блюдо на выходе. Муж Зульфийи – человек, застрявший в поисках материнского молока и мяса. В общем, скажем: материнского продуктового запаса. Протертого на локте халата, чая с домашней мятой, хозяйства, привычного с детских лет. Кто способен вывести парня с того света? Если мама любит мальчика и ему близка, у всех остальных нет шанса на его внимание, на взаимные чувства.

Сколько вас там, мальчишки, с ресницами мокрыми от слез? Полу-дети, исправно следующие правилам безопасности, усвоенным с пресловутым молочным составом: лучшие руки – у мамы. Еда – у мамы. Совет – у мамы. Насколько же нужно быть упрямым, чтобы складки душевные в стороны развести, и все-таки вырваться на свободу. Узнать наконец-то, кто этот «я», женщину искреннюю найти и сделать ее матерью собственному потомству.

Говорит себе: спи, Зульфия. Люди явятся утром проводить, как ты. В самом деле, ты – ровная колея, а не ладанка за плечом у брата, друга или отца. Зачем тебе щит, Зульфия? Ты к порогу выходишь, когда стучат. За тобою – Бог и ты знаешь, как сто из ста: ни в лесу, ни в кабине водителя тягача, ни бок о бок с теми, кто смерти боится... ничего нелепого не случится, если ты, Зульфия, чиста.

Зульфия возвращается к буддийской части собственной личности. Видит ее лежащей в лучах закатных, деликатно поблескивающей, совершенно безучастной к происходящему. Зульфия ведет себя в жизни кардинально не так, как ей кажется подобающим и достойным. Ей придется принять как факт, что опасно открываться перед посторонними. А ей теперь куда? Кто виновен, что распятым стал? Люди зажаты в тиски между силой центробежной и центростремительной, в точке относительного равновесия. И частенько духом бедны, как мыши церковные. Кажется, слышно, будто колокола звенят. Кто знает, зачем говорится то, что уши воспринимают? Губы бьются друг в друга, нелепые звуки производя.

Зульфий становится ясно, что лучше селиться метров за пятьдесят от последнего фонаря. Спокойно решать вопросы, по-своему. Лишних участников не вовлекая, чуши (насколько возможно) не говоря, не ставя палки в колеса, не умножая фальши. Устроиться гнездышком тихим, спокойно писать, намётывать. Расти уверенно, час от часу. Саттва найдется в складках цветастого сарафана. Как известно, запасы любви огромны, но «слава» перестает вставлять, если ее потребляют без меры, нескромно. Спи, Зульфия. Люди явятся утром проведать, как ты. Если ты, конечно, ровная колея, а не грешься за плечом у брата, друга или отца.

Не тужи! Не каждой дано быть той, что живет за околицей, да любую собаку по голосу отличает.

Зачем тебе щит, Зульфия? Ты бесстрашно выходишь к по-

рогу, когда стучат. За тобою – Бог и ты знаешь, как сто из ста: ни в лесу, ни в кабине водителя тягача, ни бок о бок с теми, кто сильно боится. Зульфия! С тобой ничего не случится, если твоя личная голова чиста.

Серхио

Серхио думает, что овладел ситуацией. Он схватил ее за руку, привлек к искренности, вышел на верной станции. Но послушай-ка, брат, нет причины для ажитации. То, что кажется болью, бывает, элементарно – не тот формат мысли, оценивающей ситуации, и от этого идеи путаются в клубки. Ноги бегут во тьму по неверным нитям в лучах фонаря. Минотавр. Последняя заря. Последняя запятая того, кто желает остаться инкогнито, и мы видим только стежки золотого шитья по нижнему краю плаща.

Серхио знает теперь, что Будда Готама дышал не всегда глубоко, животом. Бывало, дышал он поверхностно, нервно. Только левой ноздрей, потом наверное правой ноздрей. А после – обеими равномерно. Иногда Будда чувствовал уныние, скуку, нежелание поднять руку, неспособность собрать всё в кулак. Буддисты хором кричат: это не так! Учитель не мог, не должен был быть животным. Ни мига, ни терции времени! Он был рожден, чтобы изменить ход развития племени, чтобы всем показать: ребята, работать не обязательно телом. Если будете достаточно смелыми, сможете прочитать

то, что несет нам река создателя. То, что мы все забываем старательно, но то, что нельзя забыть. Что именно, думайте сами. Кто обладает авторитетом, чтоб вас учить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.